
АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ФИЛОСОФСКОЙ РЕФОРМЫ ДЕКАРТА

И.Г. Куров

Феномен автономии разума поступательно становится в конструктивном рационализме XVII века принципом всей духовной деятельности и методическим социально-политическим конструктом: методы, проверенные на познании природы, начинают применяться к проблеме установления для возникающих национальных государств естественных принципов упорядочения права и государственного устройства. Так, органическим продолжением достигнутого в древности явились общая юриспруденция и международное право Гуго Гроция, учение Бодена о суверенитете, понятие политического механизма в «Левиафане» Гоббса, которые образовали новые отправные пункты для рационального регулирования хозяйственной, правовой и политической жизни. Развивающееся сознание достоинства и свободной силы личности дополняется репрезентативными эффектами в развитии математики.

В этих условиях Декарт явился судьбоносной фигурой, которая сама по себе воплощала автономию духа, основанную на ясности мышления. Ясность мышления здесь парадигмальна: то, что действительно существует, может быть подчинено теории, мышление же обладает силой регулировать все действия. Из этой связи конструктивной силы мышления и рациональности разум личности обретает суверенность действий только потому, что действительность рациональна, прозрачна и равномерна. Далее разум проецирует активированную в нем комбинацию суверенного сознания и рационального мышления на само Божество. При этом совокупность условий фактического устройства мира не может быть выведена исключительно из разума, сообщить о ней может и опыт. Кроме того, метафизическое содержание мыслящего субъекта, посредством которого он суверенно конструирует действительность с помощью содержащихся в нем элементов мышления, содержится не только в чувственных восприятиях, но и в процессе самопознания. Это действие мышления и содержащихся в нем конструктивных элементов, проходящее через всю духовную жизнь субъекта, *гарантирует суверенность человеческого духа*, для которого необходима философия нового типа, философия, которая поможет в практических делах людей, дабы они смогли стать управителями природы и всего сущего [2. С. 305]. Истинная философия должна быть единой как в своей теоретической части, так и в своем методе. Эту мысль Декарт поясняет с помощью образа дерева, который, кстати, очень часто иллюстративно используется в учебно-философской литературе [6. С. 114]. Идеал единства научного познания, проистекающий из суверенности человеческого духа, подчеркивался Декартом неоднократно. Убежденность мыслителя однозначна: наука должна быть стройной логической структурой, основанной на математических средствах.

Всю философию Декарта пронизывает убеждение в беспредельности человеческого разума [2. С. 80], в частности же для его рационализма в гносеологии

характерна убежденность в том, что существует два пути познания, которые совершенно равноправны и приводят к одному и тому же результату: разум, постигая себя, познает и природу, а познавая природу, приобретает в конечном итоге знание и о себе самом, так что субъект и объект по содержанию получают тесно взаимообусловленными, что приводит к полной равнозначности обоих путей. Откровению и авторитету отцов церкви философ противопоставляет силу разумного мышления и понятийного усмотрения сущности вещей. Это — знаменитый «естественный свет (*lumen naturale*) [2. С. 81, 358, 360, 365, 439], «свет ума» [2. С. 92], «прирожденный свет» [2. С. 127], а также «нечто божественное» [2. С. 90], подлежащее развитию.

Принципиально важно то, что выдвигая на первый план мышление, делая *cogito ergo sum* принципом всех принципов философии и науки, Декарт осуществляет реформу, имеющую глубинный смысл и непреходящее значение для человека и его культуры. Суть реформы: в основание человеческого бытия, существования и действия теперь положены не только такие ценности, как духовность человека, его бессмертная, устремленная к Богу душа (что было характерной особенностью средневекового периода мысли); теперь эти ценности тесно увязывались с активностью, свободой, самостоятельностью, ответственностью каждого индивида. Дильтей, описывая этапы развития человеческого духа в работе «Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации», дает следующую принципиальную оценку новому установлению: «Автономия субъекта постигается Декартом как свобода, причем в смысле свободы выбора. Мы настолько сознаем, как он полагает, нашу свободу, что ничего другого не постигаем столь ясно и совершенно. Посредством постижения суждения как акта свободы для него решается и проблема заблуждения. Субъективность чувственных качеств, иллюзия, в которой мы пребываем по отношению к ним, наконец, заблуждение вообще, могут быть соединены с *veracitas Dei* только посредством понятия свободы выбора и подчеркивания ее присутствия в акте мышления. Наше мышление переступает логически твердое познание, потому что в своей свободе оно несет в себе власть ошибаться и приходиться к ложным суждениям» [4. С. 262, 266].

Значение такого поворота в философствовании точно обозначено и Гегелем: «Декарт исходил из того положения, что мысль должна начинать с самой себя. Все предшествовавшее философствование, и в особенности то философствование, которое имело своим исходным пунктом авторитет церкви, Декарт отодвигал в сторону» [1. Т. 11. С. 257]. «Этим философия снова получила свою собственную почву: мышление исходит из мышления, как из чего-то в самом себе достоверного, а не из чего-то внешнего, не из чего-то данного, не из авторитета, а всецело из той свободы, которая содержится в «я мыслю» [1. Т. 11. С. 264]. Подобная фундаментальная реформа философского мышления формирует антропоцентрический вектор, направленный на формирование человеком своего Я, на свободу и ответственность в мысли и действии. М.К. Мамардашвили в «Картезианских размышлениях» говорил: «Принцип *cogito* утверждает, что возможность способна реализоваться только мной при условии моего собственного труда и духовного усилия к своему

освобождению и развитию... Но лишь так душа может принять и прорасти «высшее» семя, возвыситься над собой и обстоятельствами, в силу чего и все, что происходит вокруг, оказывается не необратимо, не окончательно, не задано целиком и полностью. Иначе говоря, не безнадежно. В вечно становящемся мире для меня и моего действия всегда есть место, если я готов начать все сначала, начать от себя, ставшего» [5. С. 110].

В этой связи упомянем также Хайдеггера, который указывает, что задачей Декарта было заложить метафизическую основу освобождению человека для новой свободы, которая сама себе дает достоверный закон [8. С. 270]. Наука как одно из основных явлений Нового времени предполагает, прежде всего, свободу суждений и подчинение представлений и восприятий суждениям в той мере, в какой это возможно. Это, в свою очередь, полагает наличие именно «очищенного» субъекта, свободного от любого представления, восприятия, созерцания, то есть требует чистого Я, субъекта суждения, инициирующего подчиненное положение сущего. Я-субъект, к которому сводится и вокруг которого собирается все объективированное сущее, не может быть только представляющим субъектом, но должно быть субъектом, прежде всего, судящим и подчиняющим себе акты представления. А чтобы подчинить себе сущее, Я должно *подчинить себя себе самому*, подчинить свои представления и восприятия признанию или непризнанию того или иного положения дел. Для того чтобы дать законы природе, субъект должен сначала дать закон самому себе, закон, согласно которому восприятие, созерцание формируется на основе рассудка. Отсюда, кстати, довольно отчетливо просматривается позиция кантовского критицизма, когда Кант изучал возможность совместимости физики и метафизики, обращаясь к анализу предельных оснований метафизики (познания), из чего и родилась, в конечном счете, «Критика чистого разума».

В этом отношении слишком очевидно, что Декарт подчинял свою метафизику взглядам на сущность математики и математической физики. В исследованиях, посвященных Декарту, практически всегда оговаривается один существенный момент: Картезий стоит на уровне достижений научного знания своего времени. Он не только философ-метафизик, но и крупный ученый, создавший аналитическую геометрию, объяснивший преломление света в геометрической оптике, не совсем точно, но открывший принцип сохранения энергии и так далее. Здесь важно, что математика и математическое естествознание как атрибуты суверенитета науки и свободы научного мышления обусловили строй мышления Декарта, своеобразную систему его мировоззрения. Поэтому, опираясь на современную ему науку и, главным образом, на математику, Декарт строит систему метафизики на основе метода математики [2. С. 91—94].

Вместе с тем, восхищаясь строгостью математического знания, Декарт критикует традиционную арифметику и геометрию за то, что их линейные процедуры не скреплены четкой методологией. Строгость и связь переходов не указывает на наличие строгого метода в арифметике и геометрии. И если перед лицом новых проблем исследователи окажутся безоружными и не способными к их реше-

нию, то причину этого, по мнению Декарта, следует искать в отсутствии необходимого руководства. Именно поэтому он отказывается принять в качестве модели знания традиционную математику, поскольку в ней отсутствует единый метод. Для создания теоретической основы новой модели следует доказать, что различия между арифметикой и геометрией незначительны: и та и другая вдохновлены, пусть имплицитно, одним и тем же методом. С этой целью он переводит геометрические проблемы в алгебраические, показывая их сущностную гомогенность. С помощью аналитической геометрии Декарт делает более ясными математические принципы и процедуры [7. С. 138—154; 9. С. 63—74].

В контексте развития математической науки несомненен смысл отрывка из «Рассуждения о методе», в котором Декарт утверждает, что хочет достичь в новом научном методе ясности и строгости, присущих геометрическим действиям: «Те длинные цепи выводов, сплошь простых и легких, которыми геометры обычно пользуются, чтобы дойти до своих наиболее трудных доказательств, дали мне возможность представить себе, что и все вещи, которые могут стать для людей предметом знания, находятся между собой в такой же последовательности. Таким образом, если воздерживаться от того, чтобы принимать за истинное что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдаленных, чтобы они были недостижимы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было их раскрыть» [3. Т. 1. С. 261]. Старая метафизика и существовавшая дотоле наука должны склониться перед новым методом, призванным явиться первоисточником нового знания. Между тем за обвалом античных концепций обозначились как вера в человека и в силу разума, так и сомнения относительно направленности выбора для решения поставленных задач. И в противовес острому скептицизму на службу эпохе выводится метафизически обоснованный разум, способный поддержать поиски истины, универсальный и плодотворный метод, раскрывающий самые основы знания.

Декарт, присоединяясь к убеждению Кеплера и Галилея (убеждению метафизического характера), что мир математически структурирован и математическая мысль в состоянии проникнуть в гармонию Вселенной, тем не менее относится критически к созданной ими системе. В частности, он критикует Галилея за то, что он не предложил метода, который позволил бы проникнуть к корням философии и науки. В письме к К.М. Мерсенну от 11 октября 1638 года Декарт пишет: «Я нахожу в общем, что он (Галилей — *И.К.*) философствует лучше, чем это делается обычно, ибо где только можно отбрасывает ошибки школы и пытается решить физические проблемы, прибегая к математическим доводам. В этом я целиком с ним согласен и считаю, что нет другого средства нахождения истины. Но он, мне кажется, много теряет в том, что постоянно отклоняется от темы и не останавливается, чтобы полностью разъяснить предмет. Это показывает, что упомянутые проблемы он решал не по порядку и что, не исследуя первопричин природы, искал единственно лишь основания некоторых частных действий, а также строил без фундамента. А поскольку его способ философствования наиболее

близок к истине, постольку с большей легкостью могут быть познаны его ошибки, подобно тому как вернее можно сказать, что они заблуждаются, о тех, кто иногда следует правильной дорогой, чем о тех, кто никогда ею не следовал» [3. Т. 1. С. 603].

Декарт же сосредотачивает свое внимание именно на фундаменте, поскольку от этого напрямую зависят масштаб и успех его преобразования философии и науки. Картезианское учение, конституировавшее разум в качестве единственного источника истинного знания, отказавшее чувствам и ощущениям в истинности и впоследствии представленное не одним Декартом, и есть собственно рационализм, в рамках которого не только чувство подчинено уму, но и вера подчинена разуму, а суверенитет науки, свободы научного мышления прогрессивен и безусловен. Декарт сформулировал базисные определители парадигмы познания, основанной на идее автономии разума. Существо этой парадигмы можно выразить нижеследующими положениями.

1. Предмет познания, действительность, предметы и явления действительности познаются рассудком, мышлением. Восприятия, ощущения — источники ошибок. Поэтому возникает вопрос: каким образом человеческое мышление может создавать представления (идеи), отражающие реальную действительность, не опираясь на ощущения, восприятия? Ведь если в процессе познания наше мышление не будет опираться на материал, доставляемый ощущениями («живым созерцанием»), то оно не будет иметь связи с действительностью, будет замкнуто в себе и превратится в «чистое» мышление; «чистое» мышление соответственно будет пустым.

2. Чтобы объяснить возможность познания с помощью «чистого» мышления, и необходима специфическая *концепция мышления*, предусматривающая, что мышлению не требуются ощущения, восприятия в качестве материала, который оно осмыслит, переработает и на подобной основе создаст представления, идеи, отражающие действительность. «Чистое» мышление не является пустым, оно само обладает идеями, само создает эти идеи независимо от предметов действительности, независимо от ощущений и восприятий. Идеи эти врожденные. Теорию врожденных идей в данном контексте можно понимать или как утверждение того, что идеи заложены в рассудке в готовом виде и мышление должно анализировать, осознавать их (данное обстоятельство в известной степени напоминает теорию идей Платона), или же как утверждение того, что рассудок представляет собой способность создавать идеи, отражающие предметы и явления реальной действительности.

3. И в первом и во втором случае между идеями рассудка и предметами действительности должна существовать гармония: идеи рассудка могут отражать действительность, не опираясь на чувственность, только в том случае, если между ними и действительностью заранее установлена такая гармония.

4. В результате имеем существенные умозаключения: связь идей рассудка является связью логической, система идей — логической системой; связь вещей и предметов действительности оказывается причинно-следственной связью, а логическая связь идей тождественна причинно-следственной связи вещей и явлений.

В итоге получается, что, выдвигая не первый план мышление, Декарт тем самым как бы постулирует единство философии, математики и физики. При всем том, что стиль рассуждения Декарта в этих частях его единой философии, математики, физики выглядит так, будто речь идет о самом мире, о его вещах и движениях, не забудем: «тело», «величина», «фигура», «движение» изначально берутся как «вещи интеллекта», сконструированные человеческим умом, который осваивает простирающуюся перед ним бесконечную природу. В этом смысле мир Декарта — мир конструкций человеческого ума, который, однако, не имеет ничего общего с миром далеких от жизни беспочвенных фантазий.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Гегель Г.В.Ф. Сочинения. — М., 1935.
- [2] Декарт Р. Избранные произведения. — М., 1950.
- [3] Декарт Р. Сочинения в 2-х т. — М., 1989—1994.
- [4] Дильтей В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации. — М.: Иерусалим, 2000.
- [5] Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. — М., 1990.
- [6] Мотрошилова Н.В. Рене Декарт. Бенедикт Спиноза // История философии: Запад — Россия — Восток. — Кн. 2. — М., 1996.
- [7] Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. — М., 1990. — С. 138—154.
- [8] Хайдеггер М. Европейский нигилизм. — В кн.: Проблема человека в западной философии. — М., 1987. — С. 270.
- [9] Цейтен Г.Г. История математики в XVI и XVII вв. 2-ое изд. — М.-Л., 1938. — С. 63—74.